

демократическим реформам, которые, единственно, могут спасти независимость страны.

Книга Милована Джиласа "Дружба с Тито" разрушает миф о югославском диктаторе, что и составляет ценность и огромное значение этой книги для будущего Югославии.

Милован Джилас

ГЛАВЫ ИЗ КНИГИ "ДРУЖБА С ТИТО" *

Нет выше храбрости, чем политическая

Во время войны бросалась в глаза забота Тито о сохранении партийных "кадров", а еще больше его собственной жизни. Эта озабоченность как бы даже возрастала по мере роста его роли и личной власти. Дело не только в эмоциях. Тут присутствовало и сознание ответственности за партию и восстание: что будет с ними, если он погибнет? Но еще заметнее было стремление Тито к славе, желание насладиться абсолютной властью, завершением начатого дела. Личную власть и революцию Тито почти что отождествлял.

Но как бы ни оценивать его поведение во время войны, все-таки несомненно, что Тито испытывал сильную озабоченность за сохранение своей армии, а не только своей личной безопасностью. В период так называемого Четвертого наступления¹ при окружении в районе рек Рама и Неретва, в начале 1943 года, он постоянно менял или отдавал двусмысленные приказы. Но в то же время он сумел провести рискованную, самоотверженную и мужественную перегруппировку отрядов с целью спасения раненых, не только разбив при этом немцев в районе Вилица Гувно, но и избавив партизан от "немецкого комплекса", от владевшего ими убеждения в превосходстве немецкой армии. На реке Неретва Тито, как тигр в клетке,

---

* Milovan Djilas, *Druzenje s Titom*, Harrow, Middlesex, Great Britain.

¹ В течение партизанской войны немцы провели семь наступлений против партизан.

сумел найти самое слабое место у итальянцев и четников,¹ расширяя которое хлынул партизанский поток. В начале Пятого наступления, в мае 1943 года, у него вырвались слова: "Никогда мы не были в такой опасности!" Эту опасность сознавали и другие, но менее остро, а потому слишком медлили предпринять необходимые спасительные действия. А тогда, бывало, все зависело от нескольких часов, может быть, даже минут. Пример тому — прорыв Второй пролетарской бригады на Вучево до того, как немцы заняли выходы из каньона реки Пива, захват могилы Любо² бойцами Четвертой черногорской бригады, решительный, по собственной инициативе, прорыв Первой пролетарской бригады. Личная роль Тито, как командира, во всех этих схватках была незначительна, если вообще о ней стоит говорить. Но именно он сумел внушить чувство опасности, заставив тем самым изменить ход военных действий и их темп.

Все это потому, что Тито — личность темпераментная, легко поддающаяся внешним впечатлениям, с врожденными, иногда слишком торопливыми реакциями в неожиданных и драматических ситуациях. Таким людям не всегда удается все рассчитать заранее и додумать до конца. Паника и отвага, непогрешимость и заблуждения в решениях таких людей смешиваются, сменяют одно другое, сливаясь в неразделимое целое.

Однако, с другой стороны, были у Тито и прямо противоположные черты: способность к напряженному, внимательному и глубокому раздумью о предстоящих крупных и решающих шагах. Все то, что между этими двумя крайностями, — между импульсивными подсознательными реакциями и хорошо продуманными, далеко идущими решениями — для Тито не типично, не есть, собственно, Тито. И это, несмотря на то, что и он, как и все мы, живет и действует, главным образом, в заурядной, будничной повседневности: ведь, в конце концов, жизнь и есть будничная повседневность. Будто речь идет о двух разных личностях. Но это, собственно, только так кажется:

¹ Четники — сербское национальное антифашистское движение генерала Михайловича, соперничающее с партизанским движением в югославской гражданской войне.

² Любо Ковачевич — партизанский герой, погибший в начале революции.

нервный, импульсивный Тито только как бы подготавливает, расчищает почву для другого, вдумчивого, хитрого от природы и решительного. Врожденная хитрость и решительность — в этом и состоит мудрость и мужество политического вождя.

И на самом деле, в моменты принятия политических решений, от которых меняется течение событий, Тито бывал неизменно отважен. И почти непогрешим, если непогрешимость отождествлять с успехом и если смотреть с точки зрения самого Тито и того движения, которое он возглавлял.

Коминтерн, то есть советчики, назначает Тито главой партии в 37-ом году во время "чисток", после ареста секретаря коммунистической партии Югославии Горкича, после того, как почти вся поголовно была посажена югославская эмиграция в СССР. На этот пост с правом "вето", которое облегчит ему захват власти в партии, хотя она уже была "сталинизирована" как идеологически, так и по классовому составу — он, конечно, не мог бы попасть, если бы не был "испытан" на преданность советскому руководству, то есть на ненависть к "уклонистам" в собственной партии. Но ведь и многие другие, если уж не все, также были подвергнуты проверке, но ее не пережили! Тито впоследствии рассказывал: "Я не дружил ни с кем из "уклонистов", делал свое дело и был достаточно осторожен в разговорах, особенно в помещениях с телефонами". Он — единственный из коммунистических вождей, кто сумел нащупать дорогу сквозь ужас "чисток" и ликвидаций. Ему удалось это, на первый взгляд, даже просто: он вовремя почувствовал опасность, не переставая одновременно непоколебимо верить в правильность советского пути. В нем соседствовали врожденный рефлекс на опасность с уже усвоенным пониманием значения власти для судьбы движения и идей. Помню, как возвращаясь из Москвы, из этой "первой страны социализма", озабоченным и изнуренным, Тито находил облегчение и радость общения в среде своих подпольных товарищей — в "военно-фашистской", "монархо-фашистской" Югославии...

Какова же действительная роль Тито в великих "чистках", особенно в югославской компартии? Купил ли он прощение грехов предательством, возвысился ли клеветой на своих товарищей?

Слова и понятия не даны на вечные времена — они не живут, сохраняя свой смысл вне социального и духовного климата. В особенности это верно относительно языка политики, о чем замечательно писал Орвелл. Вот так и сотрудничество с советскими разведывательными службами в довоенные времена — а кое-где и для кое-кого даже еще в наше время! — считалось за честь и вознаграждение. Советские агенты были окутаны таинством силы и исключительности: коммунисты, если тут позволительно употребить это слово, мечтали удостоиться великой чести служить Советскому Союзу. При иных обстоятельствах, в изменившихся условиях, это и для коммунистов — конечно, не для всех и не всюду — станет позором и предательством. И то же — с "клеветой", с доносами на своих партийных товарищей. Партию, действительно, раздирали уклоны и фракции, а советские органы в Москве их еще больше раздували. Уже при Ленине преданность Советскому Союзу становится для коммунистов мерой революционности, а при Сталине ее подменяет преданность лично ему. Еще до "великого террора" троцкисты, "правые" и другие "уклонисты", сознательные и случайные, были публично прокляты, а многие и арестованы. А Тито становится секретарем партии в 1937 г., в самый разгар безумного массового террора. Он давно уже был предан Сталину. И важно не то, что ему, как и многим, Сталин представлялся законным наследником Ленина, а дело в преданности именно сталинской линии и согласии на сталинские методы в политике. Нельзя забывать, что Иосиф Броз Тито уже в 1938 г. оказывается одним из самых выдающихся борцов за монолитность партии против всякого "уклонизма". А что это означает в партийной практике? Полнейшая монополия своей линии, своей фракции в партии — такова коренная суть сталинизма.

Иосиф Броз Тито выступал за Сталина, за сталинскую монолитность и сталинский Советский Союз задолго до своего прибытия в СССР в начале 1935 г. Более того, Тито был инициатором и образцом — не единственным, но одним из самых решительных и самых активных — нового, монолитного и тоталитарного духа в партии. Сталин и "сталинизм" соответствовали его мироощущению, росли в нем по мере его собственного идеологического созревания: он и сам энергично участвовал в чистке своей партии, потому и участие в московских

чистках югославских коммунистов оказалось для него и совершенно последовательным, и неизбежным. К чему угрызения совести, если речь шла о "большевизации", о закалении и укреплении партии, и если они совпадали с его личным возвышением к идеалу и власти?... Помню, как Тито и Кардель, — а они как бывшие "москвичи" знакомы были с большинством арестованных в Советском Союзе югославов, — говорили с благодарностью о том, что советская власть избавила нас от уклонистов... Поэтому так гротескно выглядит, когда в наше время Доланц и другая "молодежь" из титовского окружения доказывают, будто Тито уже до войны, еще в самой Москве начал бороться против Сталина и сталинизма. Не будь Тито предан Советскому Союзу, то есть Сталину, он не стал и не смог бы скрывать этого даже от нас — "сталинистов" в стране, от нас, которые Москвы даже не видели. Москва назначила подлинно достойную личность возглавлять подлинно сталинскую или, что то же самое, ленинскую партию...

Я убежден, что участие Тито в чистках было ограниченным и второстепенным. Москва была до такой степени разочарована югославами, что чуть не распустила югославскую партию, как до этого польскую. Болгарин, начальник отдела кадров Коминтерна, не доверял Тито. Характеристики, в большинстве своем отрицательные, на членов югославской партии, которые Тито как секретарь должен был писать, он сдавал уже после того, как несчастные были арестованы или уже охарактеризованы как враги. А в печатном органе Центрального Комитета "Пролетарий" Тито автоматически оправдывал исключения из партии и аресты уклонистов эпитетами из не подлежащих обжалованию процессов Вышинского: троцкист, предатель, уклонист, шпион, чуждый или антипартийный элемент.

Даже в Югославии партийные чистки были безжалостны, хотя их не проводил Тито, который большую часть времени был за границей. Однако в Югославии невозможно было проводить аресты, а новое партийное поколение, вовлеченное в революционную деятельность, либо не подозревало о страданиях политических жертв в СССР, либо пренебрегало ими. Когда Тито бывал в Югославии, на его плечи ложилась самая ответственная работа. И хотя он поддерживал связи с Москвой и с советскими разведчиками, о чем остальные члены политбюро

знали или догадывались – а я считаю, что ему не так уж много было чего скрывать – Тито постепенно начал ускользать от советского контроля. Он очень обрадовался, когда мы ему сообщили, после его возвращения из Москвы в 1939 г., что нам удалось в финансовом отношении поставить партию на свои ноги. Это было наше первое достижение, намного более значительное, чем нам тогда казалось.

С началом югославской революции начались проявляться и политические противоречия между руководством великой державы и лидерами революции в маленькой стране. Тито с трудом находил общий язык с Москвой: он советовался с Коминтерном, но все важнейшие вопросы решал сам или вместе со своими коллегами. На втором съезде Антифашистского Вече Народного Освобождения Югославии,¹ который состоялся в конце ноября 1943 г., важнейшие решения были приняты без ведома Москвы и вначале вызвали ее неодобрение. Этими решениями Югославия была провозглашена Федеративным государством, монархия фактически отменена и узаконена революционная власть во главе с коммунистами.

По мере того, как революция одерживала все новые и новые победы, возрастала и личная роль Тито, и его влияние в Москве. Москва попала в ею же расставленную ловушку: советская верхушка не могла воспрепятствовать укреплению культа Тито, создававшегося по ходу революционного процесса и благодаря великоленно поставленной пропаганде, поскольку в самом СССР культ вождя не знал себе равных. В период назревания конфликта с Советским Союзом культ Тито, который отчасти имитировал культ самого Сталина, способствовал укреплению независимости и дееспособности Югославии. Можно утверждать, что будь Югославия демократической страной, она и без всякого культа противостояла бы Советскому Союзу, хотя бы в силу преимуществ своего общественного устройства. Но тогда Югославия была уже авторитарным государством, которым управляла только одна коммунистическая партия. Кроме коммунистов, других политических сил в стране почти не было. Противостоять советским претензиям могла в таких

¹ Первое коммунистическое правительство, которое и провозгласило республику. – М.М.

условиях только ленинистская или, что то же самое, сталинистская партия, которая использовала аналогичные советским идеи и методы, возглавившая и победившая в революции на своей родине.

Как же Тито воспринял конфликт с Советским Союзом в 1948 г.? Насколько большую, насколько важную роль сыграл в нем он сам?

Разрыв с Москвой, признаки которого появлялись постепенно, психологически Тито переживал очень тяжело. По мнению его близких, да и он сам так считал, именно в то время у него начались приступы желчного пузыря. На людях, особенно в присутствии сотрудников советского посольства, он выглядел спокойным и собранным. Тито был талантливым актером в своей политической деятельности, но советская разведка, имевшая своих агентов в окружении Тито, знала правду. Перед близкими, однако, Тито не мог, да и не хотел скрывать свои переживания.

В те месяцы и дни Тито легко раздражался и сердился. В то же время по отношению к ближайшим и наиболее доверенным товарищам он проявлял такую сердечность и теплоту, которой они давно не помнили. В конце войны и в первые послевоенные годы Тито вел себя как деспот, автократ, диктатор, опиравшийся пусть и не на очень охотную, но прочную поддержку Москвы. В те годы в Югославии не было даже таких псевдопарламентарных институтов, которые существуют сейчас. Вот почему тот период запечатлелся в моей памяти как нетворческий и недостойный. Из восторженного писателя-революционера я превратился в рупор пропаганды еще более абсолютного монарха, чем король Александр, в защитника несостоятельного и явно несправедливого общественного устройства. Я хотел вернуться к писательской деятельности, уйти в литературу, и даже говорил об этом с Тито. Он согласился, однако, с условием, что я должен разделить свое время между литературой и политической пропагандой. Но когда начал надвигаться конфликт с Москвой, во мне пробудились надежды на перемены, и я снова ощутил свой долг перед страной и партией...

Психологически Тито страдал из-за разрыва с Москвой, но он не заколебался, защищая свою личную независимость и

независимость Югославии. В трудных и запутанных обстоятельствах Тито всегда реагировал очень остро, но это его качество в конфликте с советским руководством обострилось еще больше, вероятно, в связи с его обязательствами по отношению к Москве и еще более — тревогой за будущее Югославии. Тито постоянно ощущал давление прошлого и еще неумолимее — настоящего. Позже, кажется, это было в 1949 г., говоря о югославских коммунистах, подвергшихся в Советском Союзе "чистке", Тито сказал: "Их надо было стукнуть по головам, но не обезглавить!"

А в июне 1848 г., когда составлялся ответ Югославии Коминформбюро, в котором сообщалось об отказе Союза коммунистов Югославии принять участие в заседании этого органа в Бухаресте (на этом заседании намечалось предать "идеологическому" суду югославских коммунистов), Тито гневно произнес: "Если нам суждено погибнуть, то мы погибнем на родной земле!"

Так думали и многие другие, но в роли руководителя Тито оказался более волевым. Политик, не приносящий жертв во имя своей деятельности — не политик, даже если его деятельность и не стоит жертв. Во время конфликта с Москвой многие работники аппарата и рядовые коммунисты были не менее решительны, чем Тито, но его поведение имело решающее значение. Иначе и быть не могло, поскольку вся власть была сконцентрирована в его руках. И без Тито, Союз коммунистов Югославии оказался бы в конфликте с Москвой и оказал ей сопротивление, и я уверен, что с успехом. Но если бы Тито склонился перед Москвой — хаос и деморализация были бы неизбежны. Но так Тито поступить не мог: он слишком хорошо знал и понимал суть и большевистской власти, и Сталина лично, и полностью отдавал себе отчет в том, чем бы все это кончилось. Но это только одна причина — личная, хотя у Тито личное невозможно полностью отделить от его политической деятельности. Другая же причина — защита, сохранение государственной власти и независимости Югославии. А личная судьба Тито переплеталась и почти что отождествлялась им с его властью в государстве — властью абсолютной, которая в момент разрыва оспаривалась только просоветским меньшинством в югославской партии. В противостоянии Москве Тито видел свой долг, свою судьбу, свою историческую миссию.

В момент разрыва с Москвой Тито проявил уникальную, интуитивную способность к прагматизму. Сразу же после разрыва он осознал преимущество положения, в котором оказалась Югославия в международном плане: нападение на Югославию со стороны Советского Союза вызвало бы международные осложнения, тем более в условиях чреватой непредсказуемыми последствиями "холодной войны". Поэтому сохранение своей личной власти Тито отождествлял с защитой государственной независимости Югославии.

Абстрактные идеологические споры не были самой сильной стороной Тито. В период разгара советско-югославского конфликта, когда совершались нападки на "нашу" партийную идеологию, мы с Карделем пытались убедить его, что без идеологического сведения счетов с советской системой, то есть без идеологического обоснования нашей позиции, мы потеряем перспективу, уверенность в себе и стабильность.

В правящей верхушке против необходимости оказать Советам сопротивление не выступал никто. Но с самого начала наши точки зрения отличались друг от друга. "Теоретическая" группа — Кардель, Кидрич, Бакарич, я и некоторые другие — склонялись к теоретической полемике с КПСС. Для этой группы само наличие такого конфликта свидетельствовало о кризисе советской интерпретации ленинизма, советской модели социализма. Вторая же группа "практиков" во главе с Тито и Ранковичем хотела ограничиться только вопросами межгосударственных отношений. В обеих группах страсти klokотали так, что порой я даже физически ощущал, как трескается броня унаследованного от прошлого, механически усвоенного догматического мышления. И все же наши тогдашние различия во взглядах не могут объяснить тех обвинений, которые Тито бросил в лицо мне и другим своим бывшим соратникам много лет спустя. Он обвинил нас в том, что мы вычеркнули часть его ответа на письмо Молотова-Сталина от 27 марта 1948 г. В этом отрывке Тито действительно ясно и четко определял характер отношений между социалистическими странами. Текст письма он представил на рассмотрение накануне заседания Политбюро, что само по себе характеризует перемены в его поведении и изменившуюся атмосферу того времени — прежде Тито никогда так бы не поступил. Кое-кто, кажется я, заметил,

что такая формулировка больше всего возмутит советское руководство, поскольку касается сферы, в которой представители советского государства считали себя единственным авторитетом. Кардель, Ранкович и другие согласились со мной и решили, что сказать об этом Тито должен я, что я и сделал. Тито, не возражая, нашу рекомендацию принял. Вскоре оба течения — теоретическое и прагматическое — слились в одно: Тито принял идеологические новшества. Но сразу же после смерти Сталина он отбросил их как политический балласт, угрожавший, однако, его личной власти.

Тито тяжело переживал конфликт с Москвой, но он же его и стимулировал, хотя в этом деле он не был ни единственным, ни самым радикальным. Отношения с Москвой развивались зигзагообразно, пока советское стремление к экономической и политической гегемонии не стало очевидным. В зависимости от обстоятельств мы то уступали, то сопротивлялись, не поступаясь при этом ни своим авторитетом, ни единством наших рядов. Постепенно, сперва в узком кругу руководителей, а позже и в более широком, мы стали критиковать советскую систему и политику СССР по отношению к Югославии и Восточной Европе. Тито был осторожен, но непоколебим, разумеется, в узком кругу, понимая, какой опасности подвергает он самого себя и свое детище — Югославию.

Мы мучительно продирались сквозь заросли догм, которые сами еще вчера исповедывали. Это был болезненный процесс, но он не только не сковывал Тито, а напротив, как бы вселял в него мужество и делал его более находчивым.

В этой борьбе с Москвой, в этих наших страстях были и ошибки, и просчеты. Это касается прежде всего упрямой попытки вырвать Албанию из-под советского влияния и подчинить ее Югославии, ответственность за которую нес сам Тито. Сталин и советское правительство использовали эти непродуманные проекты югославской гегемонии над Албанией как повод для яростных нападок и оправдания мер по дальнейшему подчинению восточно-европейских стран. Поползновения Тито насчет Албании, с одной стороны, копировали советские методы, с другой стороны — мыслились как один из способов от них защититься. Однако натолкнувшись на советское и албанское противодействие, он разумно отступил. Сопротивление югославских коммунистов советскому экспансионизму могло бы

иметь гораздо более значительные и глубокие последствия, если бы они рискнули расширить свои идеологические расхождения со Сталиным и если Ходжа сам не был бы склонен поддаваться магии власти и идеологии. Однако история, то есть ход политической борьбы и развитие политических взаимоотношений, не выбирает вождей, а вожди выбирают историю. В том, что Тито отождествил себя с историей, в формировании которой суждено ему было играть самую значительную роль, была и сила Тито, и его слабость: с одной стороны, до самоотверженности отважное осознание потребностей времени, с другой — готовность поработать силы жизни, ограничивать гражданские свободы, манипулировать людьми и народами...

Верность идеям и корысть властолюбия

Можно убедиться, что именно с точки зрения марксизма, как и любого другого коммунистического учения, ни один из коммунистических вождей не был коммунистом. Коммунистом нельзя признать Ленина и лишь с большой натяжкой — Маркса и Энгельса. Как можно согласовать с коммунистическим интернационализмом то, например, обстоятельство, что Ленин не пренебрег финансовой помощью немецкого генерального штаба, а затем отработал эти деньги, подписав мирный договор с вильгельмовскими генералами в Брест-Литовске почти назавтра после захвата власти? Энгельс был промышленником с аристократическими замашками, а Маркс спекулировал на бирже. В готовности клеветать на своих политических соперников Маркса можно считать предтечей сталинских методов. Что же касается Сталина, то он перебил одних коммунистов — по официальным признаниям приблизительно 700.000! — больше, чем все вместе взятые "реакционеры".

Разрыв политической философии с политической практикой неизбежен. И чем больше политическая философия претендует на "научность" и непогрешимость, тем разрыв глубже. Нечто подобное было и с религией в прошлые времена: духовенство редко являло образец добродетелей, которые проповедывало, а сильные мира насаждали свою "истинную веру" посредством резни и грабежей. Любое политическое учение, —

поскольку все они в конечном итоге представляют собой всего лишь духовную и "логическую" квинтэссенцию предстоящей перед нами действительности, — выступает как объединяющий и моделирующий фактор сознания, как ориентир и мобилизатор определенных общественных групп, живая сила которых вырастает из множества разнообразных и непредсказуемых составляющих. И коммунистических лидеров не было бы оснований обвинять больше, чем других политических деятелей в непоследовательности и даже беспринципности, если бы они не прятали свои пороки, прибегая к нетерпимости и насилиям, если бы они не душили критику и не противились зарождению новых идей.

Если судить о Тито согласно марксистским критериям, он предстал бы перед нами как один из самых непоследовательных, самых "некоммунистических" коммунистов. И, вероятно, его королевские замашки были бы тут существенней авторитарных методов его правления. Наперекор всему этому — а, по существу, именно благодаря всему этому — он оказался одним из самых удачливых. Немногие коммунисты захотят помянуть его добрым словом, но имя его не возбудит и такого ужаса, и таких проклятий, как имя Сталина. Таково, по крайней мере, мое убеждение, хотя оно и обременено моим собственным прошлым сотрудничеством с Тито. Я основываю его на оценке как коммунистических, так и всяких прочих революционных автократов... Один мой друг остроумно заметил: "Чем коммунизм непоследовательнее, тем он лучше..."

Однако из всего сказанного отнюдь не следует, что Тито существенно отличался в лучшую или худшую сторону от других коммунистических вождей, или что он был менее предан марксистско-ленинской идеологии. Он, говоря попросту, вынужден был приспособляться к сложившимся обстоятельствам. А обстоятельства менялись быстро и резко, — особенно после столкновения с Советским Союзом в 1948 г. Общеизвестно, с какой жестокостью, без всякого разбора личной вины, обрушились на "контрреволюционеров" после нашей победы. Хорошо известны и разрушительные последствия "антисталинской" насильственной коллективизации в Югославии, которую проводили, чтобы доказать неправоту сталинских обвинений о якобы кулацком уклоне югославской компартии. И едва ли

стоит еще раз упоминать о все еще неизжитых "ждановских" приемах подавления культуры в Югославии, за которые, согласно официальным и полуофициальным источникам, ответственность несут исключительно я один — даже по прошествии тридцати лет!

Мы ужасались сталинской клевете и нападкам после 1948 г., но, ведь, до этого мы точно так же гордились сталинскими похвалами. Помню, как летом 1946 г. я ехал из Бледа в Лубляну с одним из чиновников польского министерства иностранных дел, человеком слишком молодым для такого высокого поста, но коммунистом, и он рассказывал мне, как Сталин осуждал польскую делегацию за излишнюю умеренность к врагам. И ставил им в пример Тито: "Тито — молодец, он всех перебил!" Я передал эту историю своим товарищам по центральному комитету, и мы испытали суровое, но отнюдь не неприятное чувство. Мы были горды. Говорю я это вовсе не для того, чтобы осуждать кого-либо или оправдывать самого себя, — в чем-то я был хуже, в чем-то лучше других. Я просто сообщаю исторический факт ради урока на будущее... Политику невозможно ни понять, ни практиковать вне конкретных ситуаций: одни и те же люди в разных условиях могут реагировать на окружающее с разной степенью идеологической одержимости...

Отклонения Тито от коммунистической доктрины, как это было, впрочем, и у Сталина, и у Мао, скорее подтверждают его стойкую и непоколебимую верность марксизму и социализму или, точнее, ленинской версии коммунизма.

Чем была для Тито идеология марксизма-ленинизма? Что он считал в ней самым существенным, незыблемым и нерушимым?

Из личного своего участия в русской революции и пропагандистских ее интерпретаций — а несомненно, что и то, и другое оказалось решающим в формировании политических взглядов Тито — он усвоил, что революция и утверждаемая ею власть неосуществимы и недолговечны без партии нового типа, то есть идеологически и организационно сплоченной партии. Это его убеждение прошло проверку, очистилось и укрепилось в блужданиях и неудачах югославской партии, которые он наблюдал после возвращения из России, где он находился в

в плену после первой мировой войны. Тито был по натуре человеком действия: слова, речи, собрания были ему несносны, если не использовались для политических целей. Как партийный и профсоюзный активист, Тито считал не только бесплодными, но и разрушительными для партии фракционность, споры и уклоны, поскольку в борьбе за утверждение своей революционной диктатуры партия нуждалась в единстве. До 1928 г. Тито склонялся к "левым". Однако его собственный опыт, как и опыт других молодых активистов, которые выдвинулись из партийных низов, а также выступление Коминтерна против националистов ("открытое письмо членам коммунистической партии Югославии" 1928 г.) — укрепили в нем идею монолитной партии, очищенной от фракций и поэтому более эффективно действующей в массах. В зародыше это и был сталинский вариант ленинской партии, поскольку идеологическое единство было сталинским изобретением, которое должно было преобразиться в идеологическую монополию партийного вождя. Идеологическое единство Тито считал априорной данностью, с религиозной непоколебимостью воспринимая ленинизм и советскую партию как образец. Партию надлежит "просто" очищать от фракций, для чего имеется единственный и самый надежный способ — неутомимая работа и монолитное руководство.

Будучи единожды принята, такая концепция партии и руководства превращается в непререкаемую истину. На протяжении пятилетнего тюремного заключения у Тито не было возможности создавать и спланировать такую партию, если не считать маленькой группы его тюремных товарищей. Однако, когда в январе 1929 г. в Югославии была провозглашена абсолютная власть короля Александра, начался прилив в партию новых, молодых коммунистов, на которых не лежало бремя прошлых уклонов и которые заодно с готовностью принимали и ленинизм, и ленинско-сталинский тип партии как уже готовый, проверенный и для революционной борьбы единственно возможный. Такова была партийная атмосфера, в которую Тито погрузился после выхода на свободу в 1934 г. В Москве он уже видел террор, который оправдывался необходимостью идеологического единства и созданием предпосылок для бесклассового общества. Что для югославов было революционным

идеалом, то в СССР успело сделаться политикой привилегированного класса. Когда в 1937 г., после ареста в Москве секретаря коммунистической партии Югославии Горкича и других югославских политэмигрантов, Коминтерн назначает Тито главой югославской партии — в самой стране партия уже успела полностью "большевизироваться" и утвердиться в непоколебимой преданности Советскому Союзу и Сталину под руководством бескомпромиссно воинственных деятелей, порожденных диктатурой 6 января. Мое поколение, которое включалось в революционную борьбу и вступило в партию в начале 30-х годов, безусловно принимало все: и ленинизм, и Коминтерн, и Советский Союз, а с середины 30-х годов — и Сталина, и чистки, и все процессы. По правде говоря, наша информированность обо всем этом была намного слабее нашей веры. Но для революционеров — это не обязательно изъян, а, быть может, даже и преимущество... Прекрасно все это понял, Тито приспособившись к новым партийным кадрам, даже и в этом являя собою едва ли не исключение среди старшего партийного поколения. Это была партия, которую он хотел, за которую боролся и томился в тюрьме, и ему суждено было — вполне заслуженно — сделаться ее вождем. Он и стал единоличным вождем, диктатором, которого по тем временам могли наградить властью только в Москве. Москва же могла эту власть и отобрать, но тогда Тито ее вполне устраивал. Участие в классово-борьбе на родине и привычка к двуличию в Москве внушили ему, что во всякой и, особенно конечно, коммунистической политике, все решает соотношение сил и интересов, что невозможно выстоять и выжить, находясь постоянно в сфере действия советской идеологической тирании, не имея опоры в своей стране.

Однако идеология Маркса и Ленина оставалась для Тито до самого конца непререкаемой, неизменной и нерушимой не только поэтому. Ведь эта идеология предопределяла возникновение не только большевистской коммунистической партии, но также и единоличного вождя или, по крайней мере, правящей верхушки, которые призваны вести партию и блюсти ее "идеологическую чистоту". Идеология и партия жизненно взаимосвязаны, обуславливая одна другую таким способом, что идеология не может и не должна менять своих основ, а

партия должна неустанно бороться за монолитность своей власти, — по крайней мере до наступления того утопического будущего, в котором не будет уже ни классов, ни власти, ни политики.

Разумеется, такая власть не может существовать без утопической идеологии. Тито не только заучил эту идею, но и воспринял ее всем своим сознанием, — как необходимое условие и средство своего собственного возвышения, устройства своей личной судьбы. Идеология и теория были для него неотделимы от политики. Правда, он никогда не превращал идеологию в одно лишь средство власти, что характерно для советских руководителей. Однако и он не отделял власть от идеологии: "сознательность" и власть были для него оборотными сторонами одной и той же медали. Известная эластичность, "либеральность", которую он временами допускал в теоретических спорах, никогда не переходила границы так называемой "конструктивной критики" и, конечно, не допускала критики "диктатуры пролетариата", то есть монополии партии на власть. Поскольку борьба за эту власть, ее структура и внутрипартийные отношения обеспечивали личную власть и самого Тито, — он видел личную угрозу в малейших признаках критики ленинских понятий о власти, то есть, говоря иначе, попытки ревизии ленинизма. Даже во времена столкновения со Сталиным, каждый раз, когда высказывались сомнения в социалистическом характере Советского Союза, а при этом, само собою, напрашивалась аналогия с положением в самой Югославии, Тито не только давал этому отпор, но и считал себя лично оскорбленным. Иногда мне казалось, что он играет роль первосвященника, которого возмущает ересь.

Основы идеологии: материализм, материалистическая диалектика, история как борьба классов, неизбежность победы социализма во всем мире, авангардная роль партии в построении бесклассового общества — во всем этом непозволительно было сомневаться, как и в личном престиже и положении самого Тито. В январе 1954 г., когда я в связи с моим "делом" был вызван к Тито, который принял меня в присутствии Ранковича и Карделя, в какой-то момент я, между прочим, заметил, что Энгельс ошибался в своих рассуждениях о диалектике природы. Тогда Тито спросил меня с вызовом и недоверием:

— Готов ли ты заявить это публично?

Я ответил с патетической искренностью:

— В любое время и с удовольствием!

Конечно, до этого не дошло, поскольку вскоре, на основании доклада Карделя на пленуме Центрального комитета, я был осужден за "ревизионизм", а Тито оценил мои взгляды как вылазку классового врага в партии. Конфликт Тито со Сталиным обнаружил возможность и вероятность войн между коммунистическими государствами, но отнюдь не изменения структуры власти и идеологии внутри этих государств.

Возможно ли изменять или развивать марксизм-ленинизм, не подрывая основ монополии партии на власть?

Уже Бакунин с проницательностью анархического утописта заметил, что учение Маркса неизбежно влечет за собой создание чудовищной государственной машины угнетения. И именно на родине Бакунина было показано, что такая и даже еще более чудовищная машина, действительно, осуществима. Не случайно и то, что для Ленина вся суть марксизма сводилась к учению о власти, о "диктатуре пролетариата". С политической точки зрения совершенно не существенно, правда ли это относительно марксизма, а существенно то, что Ленин эту теорию из марксизма извлек, чтобы применить ее в российских условиях. Теория марксизма, которая не служит идеологическим оправданием власти, в наше время существует лишь в западных университетах. В коммунистических странах нет иного марксизма, кроме его ленинского варианта: кодекс поведения, страшный опиум для сознания, неизбежный элемент власти.

Марксизм Тито не отличается от марксизма других коммунистических стран по своей функции — освящать и оправдывать монопольную власть — а его специфически "югославский" характер выражается лишь акцентом на государственной независимости и праве на собственную "модель". Титовский прагматический ленинизм, смешанный с социал-демократической фразеологией Карделя, постепенно превращается в югославский вариант марксистского авторитаризма. Монопольная власть, обретя независимость, нуждается и в своей собственной непогрешимой идеологии.

Основы идеологии, а соответственно, и власти, остаются, таким образом, нетронутыми или даже развиваются и

совершенствуются. У Тито не было никаких причин быть противником такого рода теоретических новшеств, хотя даже их он принимал одним из последних. После разрыва с СССР он скоро понял, что диктаторская власть, особенно в маленькой и слабо развитой стране, застаивается и начинает гнить, как только прекращает стимулировать социальный базис, на котором покоится.

Решительный и наделенный творческим воображением в практических делах Тито был осторожен, чрезмерно осторожен, когда речь шла о принятии политических идей, не говоря уж об их творческом развитии.

Ни одна из крупных идей югославского коммунизма не принадлежит лично ему.

Идея самоуправления возникла в 1950 г. у меня, а разработали ее Кидрич и Кардель. Теперь партийная верхушка догадалась возвестить, будто принципы самоуправления практиковались с самого начала нашей революции! Мне безразлична слава первооткрывателя, но интересно подчеркнуть, что Тито вначале самоуправлению сопротивлялся...

**Вождь и система не тождественны,
но взаимосвязаны**

Ни одна политическая система не формируется целиком по воле вождей. Даже при самом жестоком терроре и сверху навязанной коллективизации, советская система отражала не только цели и методы Сталина. Политическая система, особенно новая, складывается в итоге взаимодействия бесчисленных и неуловимых сил, которые выходят на арену истории, из взаимосвязей стихийных движений, поднимающихся снизу, и организационных структур, спускаемых сверху. От искусства политика зависит устанавливать равновесие этих стихийных и организующих начал.

Если конкретизировать этот тезис примером послевоенной Югославии, то, с одной стороны, мы найдем рвущиеся ко всем видам привилегий партийные массы, а также стихийное сопротивление "несоциалистических" слоев общества, а с другой стороны — целенаправленную организацию тотального

принуждения во всех сферах жизни. Югославия, которая прошла через суровые испытания революции, отличается в этом отношении от других "народных демократий" всего лишь тем, что вновь вводимое угнетение было там и радикальнее, и всеохватывающее. Значительная доля частной собственности все еще сохранялась: крестьянская собственность на землю, на дома и даже на мелкие частные предприятия. Но, тем не менее, беззакония и принуждения разрослись до такой степени, что Югославия приобрела сильное сходство, хотя и не тождество, с Советским Союзом, большее, чем любая другая из стран "народной демократии". И все же Запад был не прав, когда называл Югославию "сателлитом номер один". Мы, югославы, больше поддакивали Москве, чем слушались. Более того, Югославия даже (не явно, конечно) как бы состязалась с Москвой за обладание передовой ролью в построении коммунизма.

Наибольшее сходство с советской системой обнаруживало себя в том, что я называл "чистой политикой", или, иначе говоря, в "чистой власти", которая была и осталась предметом самой энергичной, отеческой заботы и, одновременно, твердой Иосифа Броза Тито. Непрерывно размножалась бюрократия всех сортов: только обладание бюрократическим постом гарантировало стабильность положения и перспективу карьеры. Исключение из этого правила не представляли и органы насилия — особенно политического насилия, то есть тайная полиция, — несмотря на все попытки придерживаться строгих критериев при подборе кадров. Эти органы укомплектовывались вначале самыми избранными, преданными, бескомпромиссными коммунистами. Однако именно эти органы стали вскоре чрезвычайно привлекательны для политических карьеристов и после революционных "революционеров". Для общества, и даже для самой властвующей партии, еще более губительным было то, что тайная полиция распространила свой контроль на все сферы жизни, пропитывая все ее поры, проникая в семью и частную жизнь. В 1947 г. моя первая жена Митра пожаловалась мне, что даже и им, членам Центрального комитета Сербии, приходилось держаться осторожно в своих высказываниях при товарищах, ответственных за работу государственной безопасности. Можно представить, что должно было твориться в каких-нибудь провинциальных областных комитетах!

Контроль над партией через посредство тайной полиции, наблюдение каждого коммуниста за остальными, безусловно, изобретено Москвой, Лениным и Сталиным. Тито и "титовцы" это просто заимствовали. Однако не обошлось тут и без самостоятельного творчества. Партия, особенно после победы, растет и становится массовой, ибо, если бы этого не происходило, укрепление нового, господствующего класса оставалось бы под постоянной угрозой. С другой стороны, партия, то есть партийная верхушка, должна этот процесс контролировать, чтобы не сделаться добычей чуждых, "контрреволюционных" сил. Это и порождает цепь отрицательных последствий: тайная полиция превращается в необходимое средство верхушки для ее власти над партией, в хозяина над своими новыми хозяевами, роль партии уменьшается, а в итоге слабеет активность и инициатива партийных и народных масс.

После разрыва с Москвой кое-что изменилось, — главным образом, к лучшему. Однако власть вездесущей тайной полиции лишь возросла. В начале это было неизбежно из-за деятельности просоветских элементов. Но и потом, когда напряжение в отношениях с Советским Союзом ослабло, после смерти Сталина, хотя была восстановлена хоть какая-то законность вне политической сферы, роль тайной полиции осталась прежней. Изменения произошли, хотя и поверхностно и на непродолжительное время, в 1966 г., когда "революционная" полицейская система начала себя изживать и когда Тито заподозрил или, вероятно, даже раскрыл "заговор" внутри самой службы государственной безопасности. По общему мнению, заговор этот не был направлен лично против Тито, но он мог повлечь за собой ослабление его власти. Большинство чинов государственной безопасности было тогда отправлено на пенсию или переведено в другие ведомства. Секретная полиция, по крайней мере теоретически, была ограничена во власти. Вскоре проявили себя и демократические тенденции внутри партии — "националистические" в Хорватии, "либеральные" в Сербии, "технократические" в Словении. Тито приспособлялся ко всем этим направлениям и переменам, но его стремление к личной власти оставалось неизменным. Таким был наиболее "либеральный" период правления Тито, отмеченный все-таки ограничением его личной власти и господства догматизма в идеологии.

Но как бы там ни было, за пять лет эти "неленинские настроения" набрали такую силу, что начали угрожать стабильности "титовской" системы и, тем самым, положению самого Тито. В 1971-72 гг. Тито, с помощью армии, "очистил" партию и возродил тайную полицию. Власть Тито и формально становится абсолютной. Он все реже присутствует на разных заседаниях, все чаще выслушивает верноподданные доклады.

Тогда же была введена обязательная для всех югославов, от детей до глубоких стариков, программа изучения доктринарского, надуманного "титовского" марксизма. Он становится для своей страны единственным, безусловным, обожаемым авторитетом, а для остального мира — в коммунистических и капиталистических странах, а особенно, в "своих" неприсоединившихся странах — прославляемым, не знающим себе равных, государственным деятелем. Режим, государственная система, значительно изменились, но Тито, его роль и методы остались такими же. Это было бы невозможно, если бы монополия партии не сохранялась как краеугольный камень системы. Вернее сказать, что менялся также Тито, как менялись и его приемы властвования, но, поскольку это от него зависело, перемены шли лишь в сторону укрепления его личной власти в партии и над партией...

Тут поражает своеобразная "абсурдная" диалектика: Тито удавалось остаться в "незаменимом" положении, то есть укреплять свою личную, "чистую" власть, именно потому, что он не препятствовал переменам в разных областях и даже системы в целом. Не случайно, конечно, что Тито чрезвычайно редко проявлял инициативу в сферах "внеполитических", например, в экономике и культуре. Но когда известные реформы или изменения завоевывали признание даже в политике, особенно, если они оказывались плодотворными, Тито даже их поддерживал с искренним энтузиазмом. Когда Кидрич и другие близкие ему партийные экономисты и теоретики начали приспособлять югославскую экономику к свободному рынку, Тито их энергично поддержал, провозгласив ясный и простой принцип: "всякую стоимость измерять динаром". И все-таки Тито до самого своего конца не согласился оценивать в деньгах политические мероприятия — зарплату партийных функционеров, молодежные стройки, революционные юбилеи и прочее.

Если бы после столкновения с Советским Союзом в 1948 г. Югославия сохранила в экономической сфере так называемые административные методы управления экономикой, то есть советскую экономическую модель, она впала бы в нищету и хаос, что подорвало бы государственную власть, а тем самым и власть Тито, поскольку они были нераздельны. А это открыло бы возможность для иностранной интервенции — прежде всего, со стороны Советского Союза, которая задержала бы национальное развитие на многие десятилетия. Экономические предприятия получили независимость, чтобы они функционировали более или менее эффективно, но лишь поскольку это не посягало на власть партии. То же самое случилось и в сфере культуры, поскольку она не затрагивала запретные темы: партийную монополию, историю революции и, конечно, самого Тито лично.

Антисталинизм и свободный рынок пришли в противоречие с господством бюрократии и вездесущей полиции. Из борьбы против сталинской тирании и мечтаний об истинном демократическом социализме зародилась, в конечном счете, идея самоуправления, которое легализировало антибюрократическую критику, ограничило бюрократический произвол на предприятиях и укрепило экономику более или менее свободного рынка. Однако это не повлияло существенно на характер власти и политическую систему. При сохранении однопартийного строя, вездесущей тайной полиции и единовластного вождя самоуправления не могло сделаться действительно демократическим, действительно эффективным. Вся политическая жизнь Югославии протекала вне сферы самоуправления. Власть тайной полиции то усиливалась, то убывала, в партии зарождались оппозиционные течения — все это вне всякой зависимости от самоуправления. Ни одной забастовки, буквально, ни одной — а их за последние годы было бесчисленное множество, кратковременных и с экономическими требованиями, — не провели органы самоуправления или профсоюзы.

Короче говоря, самоуправление, которое, несомненно, явилось достижением в области обеспечения прав производителей и экономики свободного рынка, никак не влияет на политическую систему, на "чистую политику". Более того, за последние десять лет, после чисток в Хорватии и Сербии, в

результате всепроникающей индоктринации и абсолютизации личной власти Тито, центр партийной деятельности переносится на самоуправление, что привело к увеличению числа членов партии в органах самоуправления до 90% и более. Таким образом, самоуправление начинает составлять наиболее важный участок партийной работы. Самым известным теоретиком этого "демократического тоталитаризма" был Кардель, особенно в его последней работе "Пути развития политической системы социалистического самоуправления", которая вызвала восторг даже некоторых специалистов на Западе.

Поскольку идея самоуправления развилась из противостояния Сталину и советской системе, и именно потому, что она потерпела поражение при попытках ограничить политическую власть партии, она оказалась удобной для создания новой идеологии, для пропаганды новой, отличной от советской, утопии. Реальное слилось с идеальным, самоуправление — с неполной и непоследовательно осуществленной экономикой свободного рынка. Но разве могло быть иначе при системе политической монополии на власть? Самоуправление обернулось новой социалистической теорией, новым утопическим вдохновением.

Тито никогда не был и не стал страстным поклонником самоуправления. Он и не мог им стать, если не желал подвергнуть рискованным испытаниям собственную свою власть. И все же он поддерживал эту идею. В 1950 г. Тито сформулировал и привел в действие закон о самоуправлении. Он понимал, что свободный рынок и самоуправление оживят экономическую жизнь, а идеологизация и абсолютизация самоуправления в теории укрепят независимость и подчеркнут исключительность Югославии. Но ни на шаг дальше! Самоуправление не должно было переступать определенную границу, а тем более посягать на систему власти, которая зародилась в революции, полностью соответствуя его собственным устремлениям и убеждениям. Идеализированная действительность самоуправления редко тревожила "подлинную" действительность чистой власти Тито.

Рыночная экономика облегчила свободу передвижения и тем самым благоприятствовала росту рабочей занятости.*

---

* В западной Европе постоянно работает около миллиона югославских рабочих.

Югославия открыла свои границы для туризма. Закон и порядок стали более обязательны даже для их официальных блюстителей. Изменились формы преследования политических противников: наказания были смягчены и стандартизированы. Однако даже сейчас политических противников могут, а часто и действительно приговаривают к заключению на долгие сроки просто за пересказ какого-нибудь анекдота или высказывание "вражеских" мыслей в кругу друзей.

Механизм политической слежки за гражданами изменений не претерпел...

Перевод М. Михайлова

ДОКУМЕНТЫ

ОТРЫВОК ИЗ ДОКЛАДА ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ И НАРОДНОГО КОМИССАРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ МОЛОТОВА НА ЗАСЕДАНИИ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СОЮЗА ССР 31 ОКТЯБРЯ 1939 ГОДА

Товарищи депутаты!

За последние два месяца в международной обстановке произошли важные изменения. Это относится, прежде всего, к положению в Европе, но также и к странам, находящимся далеко за пределами Европы. В связи с этим надо указать на три основных обстоятельства, имеющих решающее значение.

Во-первых, надо указать на изменения, происшедшие в отношениях между Советским Союзом и Германией. Со времени заключения 23 августа советско-германского договора о ненападении был положен конец ненормальным отношениям, существовавшим в течение ряда лет между Советским Союзом и Германией. На смену вражды, всячески подогревавшейся со стороны некоторых европейских держав, пришло сближение и установление дружественных отношений между СССР и Германией. Дальнейшее улучшение этих новых, хороших отношений нашло свое выражение в германо-советском договоре о дружбе и границе между СССР и Германией, подписанном 28 сентября в Москве. Происшедший крутой поворот в отношениях между Советским Союзом и Германией, между двумя самыми крупными государствами Европы, не мог не сказаться на всем международном положении. При этом события целиком подтвердили ту оценку политического значения советско-германского сближения, которая была дана на прошлой Сессии Верховного Совета.

Во-вторых, надо указать на такой факт, как военный разгром Польши и распад Польского государства. Правящие круги Польши не мало кичились "прочностью" своего государства и